

Социокультурные ценности российских горожан: модернизация vs традиционность

Наталья Валерьевна Латова

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: myshona@rambler.ru

Цитирование: Латова Н.В. (2022). Социокультурные ценности российских горожан: модернизация vs традиционность. *Terra Economicus* 20(4), 99–114. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114

В статье на основе данных проведенного Институтотом социологии ФНИСЦ РАН в 2021 г. общероссийского опроса анализируются социокультурные ценности россиян – в особенности российских горожан, – связанные с модернизацией общества. Анализ показал, что самый элементарный этап социокультурной модернизации в России уже пройден: ценности сельского населения претерпели значимое изменение в сторону большей модернизированности. В соответствии с теориями урбанизации и модернизации городское население в России несколько больше привержено ценностям общества модерна, чем сельское, хотя различия не настолько велики, чтобы говорить о противостоянии ценностей города и села. У жителей обоих типов поселений в ценностной структуре наблюдается амбивалентность: некоторые ценности ближе нормам современного общества, другие имеют скорее традиционную окраску. Так, ориентация на свободу в противовес материальному благополучию, инициативность, предпочтение равенства возможностей и т.д. сочетаются с конформизмом, уклоном в анархизм и определенным эгоизмом. Зафиксированы некоторые различия, касающиеся распространенности этих ценностей в зависимости от типа городского поселения. Наиболее продвинутыми в модернизационном плане оказались жители городов с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн чел., т.е. далеко не самые урбанизированные поселения. Неожиданно ценности населения двух столиц оказались не настолько соответствующими нормам общества модерна, как можно было ожидать. Если отталкиваться от теории «множественности модернити», описанные особенности можно трактовать как поиск своего национального пути модернизации. Общий вывод заключается в том, что российская социокультурная модернизация с точки зрения ее дифференциации по поселениям на современном этапе демонстрирует отклонение от «нормативных» образцов. Пока трудно судить, являются ли выявленные аномалии (симбиоз традиционности и модернизма, а также отставание жителей столиц в приверженности ряду модернизационных ценностей) одним из провалов отечественной модернизации или проявлением ее специфичности. Результаты исследования значимы для понимания человеческого потенциала экономики современной России.

Ключевые слова: социокультурная модернизация; человеческий потенциал экономики; традиционные ценности; модернистские ценности; урбанизация; городские жители; сельские жители; множественная модернизация

Socio-cultural values of Russian city dwellers: Modernisation vs traditionalism

Nataliya V. Latova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: myshona@rambler.ru

Citation: Latova N.V. (2022). Socio-cultural values of Russian city dwellers: Modernisation vs traditionalism. *Terra Economicus* 20(4), 99–114 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114

The article analyzes socio-cultural values of the Russians related to the modernization of society. I rely on the data provided by nationwide survey conducted in 2021 by the Institute of Sociology RAS. The analysis shows that the initial stage of socio-cultural modernization in Russia has already been passed: the values of the rural population have undergone a significant change towards greater modernization. According to the theories of urbanization and modernization, the urban population in Russia is somewhat more committed to the values of modern society than the rural population, although the differences are not so great. Residents of both types of settlements show ambivalence in the value structure: some values are closer to the norms of modern society, while others have more traditional connotations. Thus, the orientation on freedom as opposed to material well-being, initiative, preference of equal opportunities, etc. are combined with conformism, inclination towards anarchism and a certain selfishness. Some differences in the prevalence of these values depending on the type of urban settlement were identified. The most advanced in terms of modernization were residents of cities with a population of between 500,000 and 1 million people. Unexpectedly, the values of the population of the two capitals, Moscow and St.Petersburg, were not as consistent with the norms of modern society, as it might have been expected. However, if we proceed from the theory of “multiple modernities”, then the described features can be interpreted as a search for a national path of modernization. Overall conclusion is that Russian socio-cultural modernization in terms of its differentiation by settlements at the present stage definitely demonstrates a deviation from “normative” patterns. However, it is still difficult to judge whether the identified anomalies are one of the failures of domestic modernization or a manifestation of its specificity. Research findings are highly significant for understanding the human potential of the economy of modern Russia.

Keywords: sociocultural modernization; human potential; traditional values; modernist values; urbanization; urban dwellers; rural dwellers; multiple modernization

JEL codes: O15, O35, Z13

Социокультурная модернизация и урбанизация

В современных концепциях модернизации главными детерминантами развития считаются не только и не столько достижения в материальном производстве, но, прежде всего, изменение базовых культурных ценностей (Martinelli, 2005). Обсуждение культурных аспектов комплексной модернизации началось еще в 1950–1960-х гг. и первоначально касалось лишь слаборазвитых стран. Дискуссия непосредственно затрагивала и проблемы развития России: выбор его вектора, трактовку пути, оценку достигнутых результатов и т.д. Камнем преткновения стало понимание соотношения модернизации (повышения уровня развития) и вестернизации (повторения пути эволюции стран Запада). Первоначально они почти отождествлялись, но потом стал развиваться дискурс о «модернизации в обход вестернизации» (или «множественности модернити») (см., например, Eisenstad, 2000; Fourie, 2012; Harrison and Yasin, 2015). Новые подходы опирались на

опыт, прежде всего, успешно развивавшихся стран Азии (Японии, Южной Кореи, КНР и др.), которые демонстрировали многие качественные отличия от стран Запада (например, существенно иное понимание роли ценностей индивидуализма и демократии). Тем не менее базовые идеи классических теорий культурной модернизации до сих пор остаются в силе.

Китайский социолог Ч. Хе сводит характерные черты культурной модернизированности в ее классическом понимании к шести позициям: новое знание, основанное на науке; новое образование; новые идеи, основанные на рациональности мысли и секуляризации религии; новые ценности – свободы, демократии, равенства и человечности; новые цели – прогресс, богатство, изменения и самовыражение, развитие ценности личности и ее способностей; новые поведенческие установки – стремление принимать участие, ориентация на доверие¹. В этом перечне особого внимания заслуживают «новые идеи» и особенно «новые ценности», формирующие «мягкую инфраструктуру» модернизационных процессов. Первоначально их наличие/отсутствие фиксировались исключительно на качественном уровне. Однако с последней трети XX в. стали реализовываться национальные и международные программы (самая известная – проект World Values Survey под руководством Р. Инглхарта (Инглхарт, Вельцель, 2011; Инглхарт, 2018)), направленные на эмпирическое измерение и мониторинг наиболее важных характеристик культурной модернизированности.

Тема модернизации российского общества в отечественной науке в постсоветский период стала объектом постоянных дискуссий. При этом в академической литературе проблема *социокультурной* модернизации затрагивается несколько реже в сравнении с ее *экономическими* аспектами, хотя большое значение неформальных социокультурных факторов экономического роста общепризнано со времен М. Вебера. Несмотря на это, проблематика социокультурной модернизации в целом уже достаточно глубоко проработана как в теоретическом, так и в практическом плане. Базой для этого послужило то, что многие аспекты социокультурной модернизации активно обсуждались еще в советский период, хотя и применительно чаще всего к странам третьего мира.

Среди базовых теоретических работ в первую очередь следует отметить разработки А.С. Ахиезера (Модернизация..., 1993; Ахиезер, 1995), акцентирующего переплетение традиционных и модернизированных элементов в российском обществе, конфликт ценностей и в целом специфичность культурной модернизации в нашей стране. Особое внимание культурной составляющей любой модернизации уделял также В.А. Красильщиков, подчеркивая, что модернизация связана с развитием и распространением культуры «модернити» (рационализмом, идеями социального равенства, индивидуализмом и т.д.) и сопровождается в ряде стран (прежде всего, восточно-азиатских) необходимостью примирения традиционных ценностей с новыми (Красильщиков и др., 1993; Красильщиков, 2019). О несомненной связи культуры и модернизации, о возможных вариантах их взаимодействия, а также о многообразии обликов модерна активно писала и продолжает писать В.Г. Федотова (Федотова, 2016). Существенный вклад в теоретическое изучение модернизации с учетом культурных ценностей внесли также Е.Г. Ясин (Ясин, 2007; Ясин, Снеговая, 2009), С.Г. Кирдина-Чэндлер (Кирдина, 2014) и другие отечественные социологи, занятые общей (макротеоретической) концептуализацией развития российского социума.

Самые известные проекты анализа модернизации в России, носящие прикладной характер и уделяющие большое внимание изменениям в культурной парадигме, – это «Социокультурный портрет регионов России» под руководством Н.И. Лапина, направленный на сравнительный анализ модернизированности разных районов постсоветской России (Лапин, Беляева, 2009), а также исследование Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации?» (Горшков и др., 2010). Хотя в этих двух мегапроектах социокультурные изменения трактовались несколько по-разному, но их ключевые идеи являлись схожими, а полученные выводы не противоречили друг другу.

Так, Н.И. Лапин понимал социокультурную модернизацию максимально широко, включая в нее изменение не только ценностей и установок, но и, например, социально-психологических характеристик людей (удовлетворенности жизнью в целом и ее трудовыми аспектами, доверия). При этом в отношении ценностей и установок им фиксировался толерантный симбиоз культурно различных типов – традиционных, общечеловеческих и модернистских. В целом этот симбиоз в

¹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) (2011). М.: Издательство «Весь Мир», с. 204.

российском обществе, по его мнению, не конфликтогенен и присущ всему социокультурному пространству России. Первоначально ученый не придавал этому явлению негативного значения с точки зрения его влияния на модернизацию страны (Лапин, 2009), но в более поздних работах он пришел к выводу, что именно такой симбиоз «блокирует реализацию культурного потенциала широких слоев населения, их реформаторскую, модернизационную активность» (Лапин, 2011: 9).

В исследовании Института социологии РАН социокультурная модернизация трактовалась как формирование новых систем ценностей и типа мышления. Данное исследование неотрывно связано с идеями Н.Е. Тихоновой, которая была одним из его руководителей. Речь идет, во-первых, о признании за культурными характеристиками ключевой роли в процессах модернизации в целом (Тихонова, 2008а). Во-вторых, фиксируется противоречивое сочетание «традиционалистского мировосприятия и сознания эпохи модерна», которое обуславливает «маятниковый» характер российской модернизации (Тихонова, 2008b). В-третьих, указывается на возможность в сложившихся условиях экономической модернизации, которая приведет либо к формированию «альтернативного модерна», либо к состоянию длительной социальной аномии (Тихонова, 2013).

Иными словами, все российские ученые отмечали такую характерную черту российской модернизации, как сплав традиционных и модернистских ценностей и установок. Как правило, они поддерживали идею модернизационной специфики в России и, следовательно, множественности модернизи.

В 2010-х гг. тема российской социокультурной модернизации стала заметно менее популярной. Во многом это обусловлено инертностью базовых культурных ценностей и, следовательно, малой эффективностью частых мониторингов. Однако по прошествии последнего десятилетия, сопровождавшегося рядом социально-политических кризисов и шоков, включая усугубление напряженности в международных отношениях России со странами Запада, данная тема остается не менее актуальной и даже приобретает дополнительную остроту.

Обратим в этой связи внимание на такой ключевой элемент модернизации, как урбанизация – переход от почти исключительно сельского к преимущественно городскому образу жизни (см., например, Паин, 2012: 41). Городские условия труда и проживания, а также большое количество новых возможностей для образования, отдыха и досуга, которые представляют культурные объекты городов (учебные центры, библиотеки, кинотеатры и т.д.), приводят к значимым изменениям в культурных традициях. Модернизация, происходящая в городской среде, комплексно «переделывает» буквально все сферы жизни горожан, кардинально меняя их жизнь. В итоге в сравнении с сельским образом жизни в городах меняются как поведение, так и, самое главное, ценности и установки, т.е. сознание и мышление людей. Эти различия хорошо заметны на примере тех стран, в которых уровень урбанизации пока еще не так высок (Micklin, 1969; Pakseresht, 2018). Например, китайские исследователи фиксируют явные различия в модернизационных ценностях между населением сельской и городской местности материковой части страны, а также Гонконгом (Chang et al., 2005). В этом же контексте звучит высказывание классика современной социологии о месте в модернизационных процессах особо крупных городов: «...Мегаполисы являются: а) центрами экономического, технологического и глобального динамизма в своих странах и в глобальном масштабе; б) центрами культурной и политической инновации...» (Кастельс, 2000: 384).

Взаимосвязь урбанизации и модернизации настолько очевидна, что приводит ряд российских ученых к идее анклавности модернизации в стране. Концепт анклавной модернизации был популярен еще в 1970–1980-х гг. среди советских обществоведов, изучавших догоняющее развитие в третьем мире. Буквально шаблоном стали суждения, что население догоняющих стран раскалывается на модернизированных жителей крупных городов (особенно столичных мегаполисов), сближающихся по образу жизни и ценностям с гражданами развитых стран, и гораздо более «архаичных» жителей малых городов и сельских поселений. В постсоветский период этот шаблон стали активно применять и для характеристики гетерогенности социального пространства России. Очень последовательно идея о прямой зависимости между размерами поселений и степенью модернизированности сознания их жителей звучит, например, в концепции «четырех России» Н. Зубаревич: «системы ценностей населения развиваются... по иерархической системе населенных мест – от крупных городов-центров к периферии» (Зубаревич, 2012: 135). Ис-

ходя из этого общего положения, ею выстраивается иерархия от наиболее модернизированных населенных пунктов к патриархальным: крупные города-центры (Россия-1), города с населением от 20 до 250 тыс. чел. (Россия-2), малые города и сельская местность (Россия-3)².

Несмотря на общую убедительность концепции прямой зависимости социокультурной модернизации и урбанизации, еще в 2018 г. данные Института социологии РАН свидетельствовали, что ценности москвичей (жителей самого крупного мегаполиса страны) подтверждали эту зависимость лишь частично, сочетая как самые продвинутые в сравнении с остальными россиянами характеристики, так и наиболее традиционные (Латов, Латова, 2018).

Таким образом, нам представляется важным, во-первых, выяснить состояние и вектор тех ценностей и установок россиян, которые определяют возникновение новых институтов, характерных для эпохи модернити. Во-вторых, попробуем определить наличие взаимосвязи урбанизации и распространения современных ценностей. При этом под социокультурной модернизацией мы понимаем вслед за Н.Е. Тихоновой формирование новой системы ценностей и установок, определяющих в целом сознание и мышление россиян, а также ведущих к возникновению и успешному функционированию новых социальных институтов.

Для решения обозначенных задач на основе опросов Института социологии ФНИСЦ РАН будет прослежено настоящее состояние и динамика культурных ценностей и социальных установок горожан в 1995 г. до 2020-х гг. Эмпирической базой исследования стали в первую очередь данные всероссийского опроса, проведенного по репрезентативной выборке в марте 2021 г. Опрос охватил 2000 россиян в возрасте от 18 лет, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявших основные социально-профессиональные группы населения. Среди них было 1376 представителей городского населения страны, среди которых 252 – жители Москвы и Санкт-Петербурга, 318 – из городов-миллионников за исключением двух столиц, 108 – из городов с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн чел., 698 – все остальные типы городов. Для выявления специфики культурных ценностей и социальных установок горожан в целом проводилось их сопоставление с представителями сельского населения (624 респондента). Использовались данные и ряда других исследований с однотипными вопросами и моделями выборки.

Изменение культурных ценностей и социальных установок горожан России

Для выяснения особенностей культурных ценностей российских горожан применялись парные суждения, одно из которых описывало ту или иную ценность в понятиях, характерных для модернизированного общественного сознания, а другое трактовало ее в духе традиционных установок. Респондентам предлагалось выбрать из двух суждений то, которое больше совпадает с их собственной интерпретацией данной ценности.

Сравнение базовых культурных ценностей и социальных установок городского и сельского населения страны демонстрирует в целом незначительные различия (табл. 1). Впрочем, те две ценности, по которым различия все же прослеживаются, несут важную модернизационную нагрузку.

Во-первых, различия наблюдаются по ценности равенства (5,4 п.п.). И у горожан, и у сельчан фиксируется ориентация на понимание этой ценности как равенства возможностей проявить свои способности. «Уравниловка» доходов, процветавшая во времена СССР, имеет более низкую популярность. На смену устаревшей парадигме приходит понимание возможности выравнивания положения граждан за счет более эффективной отдачи на их способности и, следовательно, акцент на важности саморазвития личности. В рамках этой тенденции сельчане несколько больше значения придают равенству доходов, положения и условий жизни, в то время как среди горожан более распространено «модернизационное» мнение о ценности равенства возможностей.

Во-вторых, различия наблюдаются по ценности, связанной с инновационностью. Как и в первом случае, российские горожане и сельчане в большей степени ориентированы на инициативу, предприимчивость и поиск нового в противовес уважению сложившихся обычаев и традиций. Тем не менее доля приверженцев этой ценности среди городского населения страны также несколько (на 4,7 п.п.) выше, чем среди сельского.

² Россия-4 выделяется в отличие от первых трех случаев по региональному принципу (Северный Кавказ и юг Сибири).

Таблица 1

Выраженность различных ценностей и установок в разных видах поселений России, %
(отграничено по городским поселениям в целом в каждом из двух блоков по отдельности)*

Ценности и социальные установки	Москва и Санкт-Петербург	Города-миллионники	Города с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн чел.	Города с численностью населения от 10 тыс. до 500 тыс. чел.	Городские поселения в целом	Сельские поселения в целом
I. Ценности и установки, по которым у городского населения в целом преобладает модернизированность						
Свобода vs Материальное благополучие						
Свобода – то, без чего жизнь теряет смысл	60,4	66,9	72,0	62,5	63,8	64,1
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	39,6	33,1	28,0	37,5	36,2	35,9
Инновационность vs Традиционность						
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	62,8	61,9	66,4	60,8	61,9	57,2
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	37,2	38,1	33,6	39,2	38,1	42,8
Равенство возможностей vs Равенство результатов						
Равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	63,6	63,1	63,6	56,8	60,0	54,6
Равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей	36,4	36,9	36,4	43,2	40,0	45,4
Активизм vs Пассивность						
Чтобы отстаивать свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	49,2	60,6	66,3	60,2	58,8	56,5
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	50,8	39,4	33,7	39,8	41,3	43,5

Окончание табл. 1

Ценности и социальные установки	Москва и Санкт-Петербург	Города-миллионники	Города с населением от 500 тыс. до 1 млн чел.	Города с численностью населения от 10 тыс. до 500 тыс. чел.	Городские поселения в целом	Сельские поселения в целом
Внутренний локус контроля vs Внешний локус контроля						
Человек сам кузнец своего счастья; и успех, и неудачи – все в его руках	57,8	50,9	50,0	51,9	52,6	52,2
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	42,2	49,1	50,0	48,1	47,4	47,8
II. Ценности и установки, по которым у городского населения в целом преобладает традиционность						
Нонконформизм vs Конформизм						
Выделяться среди других лучше, чем жить как все	39,5	41,6	39,4	43,3	41,9	41,0
Жить как все лучше, чем выделяться среди других	60,5	58,4	60,6	56,7	58,1	59,0
Гражданская свобода vs Анархическая свобода						
Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах	30,7	33,0	38,3	35,8	34,4	35,0
Свобода – это возможность быть самому себе хозяином	69,3	67,0	61,7	64,2	65,6	65,0
Гражданственность vs Эгоизм						
Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	48,6	31,3	29,0	31,6	34,4	36,3
Личные интересы – это главное для человека	51,4	68,7	71,0	68,4	65,6	63,7

* Темным фоном выделены ячейки с наиболее высоким по каждой строке показателем среди разных типов городов. При этом разница между самым низким и самым высоким показателем должна была составлять не менее 4 п.п., т.е. являться минимально статистически значимой.

Что же касается всей совокупности ценностей, то необходимо отметить ее специфику. Ни одна из ценностей не оказалась однозначно трактуемой и господствующей (более чем у 2/3 населения). Несколько больше на общем фоне выделяются установка на доминирование в жизни человека личных интересов над общественными, а также понимание свободы с оттенком анархизма – желание всецело зависеть только от своих решений (быть самому себе хозяином). Обе эти характеристики противопоставляют личность и общество и относятся к характеристике гражданственности. Такое (пусть и небольшое) превалирование именно этих ценностей есть свидетельство недостаточной сформированности гражданской позиции россиян, без которой нельзя вести речь о всесторонней модернизации сознания. Если к этому добавить, что на вопрос о необходимости поддержки со стороны государства 51,5% горожан и 49,4% сельчан отвечали, что без такой поддержки им выжить сложно, то понятно, что в обществе присутствуют патерналистские ожидания, которые тоже сложно назвать модернизационными.

Сочетание оставшихся ценностей и установок таково, что некоторые из них в российском обществе имеют модернизационный уклон, однако другие тяготеют скорее к традиционности. Так, установки на свободу как смыслообразующую ценность, а также на социальный активизм и активность в личной жизни свидетельствуют о процессе модернизации в российском обществе. В свою очередь, установка на жизнь в определенных рамках («как все») тяготеет к ценностям, характерным для традиционного уклада жизни. Иными словами, культурные характеристики российского общества таковы, что его нельзя однозначно причислить ни к обществу модерна, ни к традиционному обществу.

В итоге сравнение ценностей и установок городского и сельского населения России показало, что российское общество пока еще только проходит стадию модернизации, при этом в соответствии с общетеоретическими положениями горожане в целом несколько больше модернизированы, чем сельчане.

Перейдем от анализа ценностной специфики городского населения в целом к изучению особенностей культурных характеристик жителей разных типов городских поселений. Конечно, при зафиксированной нами ранее амбивалентности культурных ценностей среди горожан в целом вряд ли следует ожидать, что жители какого-то конкретного типа городского поселения окажутся носителями исключительно модернизационных ценностей в противовес всем остальным. И это действительно так: во всех типах городских поселений есть ценности, которые несут в себе более модернистское наполнение, а есть и такие, которые характеризуют горожан скорее как традиционалистов. Тем не менее определенные черты и особенности все же можно зафиксировать.

Одна из главных черт относится к выделению себя как особой личности из окружающего общества – нонконформизму. Эта установка близка к ценности индивидуализма/коллективизма, но совпадает с ней лишь частично. Ведь наличие собственного мнения и оригинального образа жизни – характеристики современного общества, совершенно неприемлемые в его традиционном варианте. Как раз по этой позиции, очень важной для понимания степени модернизации культурных ценностей, каких-либо существенных различий между разными типами городских поселений не прослеживается. В целом среди россиян из разных типов городских поселений доля конформистов превышает долю нонконформистов.

Вторая черта заключается в том, что различий по культурным ценностям между жителями городов с численностью населения от 10 тыс. до 500 тыс. чел. и сельчанами практически не наблюдается. Как и у сельчан, более часто встречающееся среди жителей этих городов (различие с представителями других типов городских поселений – порядка 6-7 п.п.) понимание равенства как выравнивания доходов, а не возможностей, является свидетельством их несколько большей приверженности традиционным ценностям и установкам. Аналогично обстоят дела и с большим уважением сложившихся обычаев и традиций.

Третья черта связана со спецификой жителей двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. Казалось бы, именно в этих наиболее развитых городах должно формироваться ядро модернизационных ценностей, но в российской реальности это далеко не так. Конечно, у жителей столиц наиболее выражен внутренний локус контроля (57,8% респондентов из этих городов полагают, что успех и неудачи зависят в первую очередь от самого человека, а не от внешних обстоятельств). Здесь выше ориентация на гражданственность (48,6% отметили, что следует ограничивать свои интересы, когда это необходимо ради страны и общества) и на понимание равенства как выравнивания возможностей (63,6%). Это уравнивается меньшей по сравнению с дру-

гими городскими поселениями ценностью свободы как таковой и более частой трактовкой свободы в анархическом ключе. Наконец, самое главное, столицы – единственный тип поселения (включая сельские поселения), где преобладает пассивная позиция по отношению к окружающей жизни (50,8% выступают за приспособление). Эта специфика двух столиц крайне важна для понимания доминирующих здесь культурных ценностей и установок. В обществе модерна предполагается, что государство должно создать для своих граждан такие условия, чтобы именно их активность формировала вектор развития страны. Однако половина жителей Москвы и Санкт-Петербурга готовы делегировать государству право решать, что для них важно, а что нет, находя приспособление к этим решениям более эффективным, чем личное участие в формировании актуальной повестки. Такая пассивность – яркая характеристика традиционного общества.

Наконец, в целом наиболее продвинутыми в плане модернизационных ценностей оказываются жители городов с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн чел. Абсолютно по всем ценностям и установкам из блока I (табл. 1) горожане этого типа поселения попали в авангард городского населения в целом. Наиболее существенные отличия при этом наблюдаются по понимаемой свободе как смыслообразующей жизненной ценности (72% между свободой и материальным благополучием выбрали первое), а также гражданскому активизму (66,3% выступают за активные действия во имя своих интересов и прав). Что же касается блока II, то и тут у них из трех ценностных суждений по двум (нонконформизм и гражданская свобода) структура суждений более продвинутая, чем у остального городского населения. Единственная ценность, по которой население этих городов более традиционно, чем остальные горожане, касается приоритетности личных интересов над интересами страны и общества. Интересно, что у данной ценности прослеживается связь (коэффициент корреляции Спирмена 0,303**) с еще одним парным суждением: «Благополучное положение в российском обществе сегодня – результат, прежде всего, высокого уровня образования и квалификации, эффективной работы, приложенных усилий» vs «Благополучное положение в российском обществе сегодня – в основном результат везения или наличия нужных связей». Те, кто согласен на ограничение личных интересов, чаще причиной благополучия видят использование своих человеческих ресурсов, а ориентированные на приоритет личных интересов чаще причиной благополучия указывают везение и личные связи. Как известно, концепт приоритетной значимости человеческого капитала – неотъемлемая часть общества модерна. Таким образом, хотя по ценности «гражданственность vs эгоизм» жители крупных городов демонстрируют скорее традиционность, чем модернизированность, наличие сформированного в их сознании ощущения взаимосвязи человеческого капитала с гражданственностью указывает, что, скорее всего, и эта ценность вскоре подтянется к современной норме.

Что касается специфики горожан из городов-миллионников, ограничимся констатацией того, что по степени модернизированности они находятся где-то между населением двух столиц и жителями городов с численностью населения 500 тыс. – 1 млн чел.

Диалектика традиционных и современных ценностей горожан России

Для понимания того, как меняются ценности и установки городского населения в России, необходимо обратиться к динамике этих показателей за длительный промежуток времени. Хотя ценности устойчивы и в целом не подвержены резким изменениям, в обществе, проходящем этап трансформации, временной промежуток в четверть века (с 1995 по 2021 г.) достаточен для проведения такого рода анализа. Действительно, за этот период в стране сменилось три президента и произошло несколько социально-экономических кризисов. Как же при этом обстоят дела с модернизацией городского населения страны? Для ответа на этот вопрос сравним данные по шести ценностям (рис. 1). Четыре из них представляют блок ценностей и установок, по которым в 2021 г. у горожан преобладала модернизированность, и две имели традиционную ориентацию.

Главный вывод из представленных данных – незавершенность российских модернизационных процессов. К этому выводу подводили еще данные за 2021 г.: отсутствие ярко выраженных модернизационных черт, а также наличие разнонаправленных ценностей и установок. Динамика данных добавляет к этой картине дополнительные штрихи. Некоторые ценности за прошедшее время усилили модернизационную направленность, в то время как другие продемонстрировали изменение в сторону большей традиционности. При этом их привязка к тому или иному блоку не сыграла никакой

роли. Так, из четырех ценностей, относящихся в 2021 г. к модернизационным, по двум наблюдается сильный тренд в сторону их ослабления, а по двум другим, наоборот, произошел сдвиг в сторону их усиления. То же самое мы видим и в блоке традиционно ориентированных ценностей.



Рис. 1. Динамика различных ценностей и установок горожан России, 1995–2021 гг., %*

* Данные по ценности «Главное – это инициатива...» приведены не за 2000 г., а за 2001 г.

В целом по масштабам изменений особенно выделяются две ценности. Во-первых, на 16,9 п.п. снизилась поддержка ценности равенства возможностей при росте ценности равенства доходов. Во-вторых, заметно чаще российские горожане стали предпочитать «жить как все», а не «выделяться среди других» (изменение на 13,5 п.п.). Отношение к остальным ценностям изменилось не так сильно. Если же судить по совокупности, то следует признать, что с 1995 г. модернизированность городского населения России в целом понизилась.

Ранее мы отмечали схожесть ценностей и установок городского и сельского населения России по данным 2021 г. Однако данная ситуация вовсе не является закономерной при модернизации общества. Так, в 1995 г. российские горожане существенно отличались от сельчан. По сути, на рубеже XX в. сельские жители по своим ценностям и установкам были скорее традиционалистами. Например, лишь 23,7% сельчан в 1995 г. согласилась с тем, что свобода человека реализуется в его политических правах и свободах; в 2000 г. только 34,4% полагали, что выделяться среди других лучше, чем жить как все; а инициативность и предприимчивость, поиск нового в работе и жизни одобрили в 2001 г. лишь 40,9%. Таким образом, за четверть века российские сельчане сделали значимый рывок к обществу модерна. Благодаря этому, а также ослаблению модернизированности горожан и произошла та ценностная конвергенция, которую мы зафиксировали в 2021 г.

Таблица 2
Динамика различных ценностей и установок в разных видах поселений России, 2000–2021 гг., %*

Ценности и социальные установки	Москва и Санкт-Петербург				Города-миллионники				Города с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн				Города с численностью населения от 10 тыс. до 500 тыс.					
	2000		2021		Разница данных за 2021 и 2000 гг.		2000		2021		Разница данных за 2021 и 2000 гг.		2000		2021		Разница данных за 2021 и 2000 гг.	
	2000	2010	2021	Разница данных за 2021 и 2000 гг.	2000	2010	2021	Разница данных за 2021 и 2000 гг.	2000	2010	2021	Разница данных за 2021 и 2000 гг.	2000	2010	2021	Разница данных за 2021 и 2000 гг.		
I. Ценности и установки, по которым у городского населения в целом в 2021 г. преобладает модернизированность																		
Свобода – то, без чего жизнь теряет смысл	67,5	65,6	60,4	–7,1	67,5	55,9	66,9	–0,6	56,8	59,1	72,0	15,2	68,4	59,0	62,5	–5,9		
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	–	39,9	62,8	22,9	–	56,1	61,9	5,8	–	52,0	66,4	14,4	–	44,9	60,8	15,9		
Равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	77,0	71,6	63,6	–13,4	75,6	59,6	63,1	–12,5	65,9	67,8	63,6	–2,3	74,5	63,4	56,8	–17,7		
Чтобы отстаивать свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	–	47,5	49,2	1,7	–	57,8	60,6	2,8	–	58,3	66,3	8,0	–	54,5	60,2	5,7		
II. Ценности и установки, по которым у городского населения в целом в 2021 г. преобладает традиционность																		
Выделяться среди других лучше, чем жить как все	66,0	54,1	39,5	–26,5	53,6	55,4	41,6	–12,0	60,2	53,4	39,4	–20,8	43,7	52,2	43,3	–0,4		
Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах	32,5	33,9	30,7	–1,8	32,2	33,6	33,0	0,8	34,1	42,0	38,3	4,2	34,6	44,9	35,8	1,2		

* Приведены данные с 2000 г., так как по данным 1995 г. не оказалось сопоставимые типы городских поселений. В 2000 г. суждения по двум ценностям отсутствовали в инструментарии исследования, поэтому в этих случаях приведена разница данных за 2021 и 2010 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных ИС ФНИСЦ РАН

Не менее интересна в 2000–2021 гг. динамика ценностей и установок в различных типах городских поселений (табл. 2). Во всех городских поселениях мы наблюдаем разнонаправленность изменений: одни ценности стали больше соответствовать обществу модерна, в то время как другие изменились в сторону большей традиционности.

Как мы уже отметили, в основном вектор изменения ценностей в сторону традиционности выражен несколько сильнее, чем в сторону модернизации. Данный тренд характерен практически для всех городских типов поселений. Исключение составляют лишь жители городов с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн чел. В изменении их ценностей прослеживается, наоборот, постепенное нарастание черт, характерных для современного общества. Впрочем, даже в этом случае не обошлось без некоторых резких изменений в сторону традиционности. Так, приверженность ценности нонконформизма за 20 лет упала на 20,8 п.п. Если в 2000 г. по этой ценности горожане данного типа поселений скорее соответствовали нормам общества модерна, то к 2021 г. стало больше оснований относить их к традиционному обществу.

Самые существенные изменения за исследуемый период, связанные с нарастанием традиционности, наблюдаются в двух российских столицах. Именно здесь самое большое изменение среди зафиксированных в целом по всем поселениям (26,5 п.п.), которое, как и в случае с городами с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн чел., касается роста нонконформизма. Но и помимо этого изменения в Москве и Санкт-Петербурге заметно реже стали придавать значение свободе как смыслообразующей ценности (понижение на 7,1 п.п.), а также меньше стремиться к достижению равенства возможностей (на 13,4 п.п.). Однако представляется, что ситуация здесь далека от тревожных прогнозов. Следует обратить внимание, что все изменения в двух столицах произошли после 2010 г. Одно из возможных объяснений такой тенденции – особое внимание к развитию столичной инфраструктуры в сфере досуга и культуры, а также популяризации активного участия в жизни своих городов. Например, в Москве развиваются проекты «Активный гражданин», «Наш город», «Город идей», «Город заданий», «Активное долголетие». Запущены крупномасштабные программы реновации жилья, обустриваются парки, спортивные и детские площадки. Все это в совокупности гасит запрос на особую свободу, на равенство возможностей и т.д. К тому же определенной компенсацией этим уступкам в пользу традиционализма можно считать возросшую важность ценности инициативности среди столичных жителей. Такой рост динамического потенциала крайне важен, так как скорее всего при определенных обстоятельствах он стимулирует очередной рост ценностей модернизма.

Несколько более стабильна ситуация в городах-миллионниках, а также в городах с численностью населения от 10 тыс. до 500 тыс. чел. Изменений в целом здесь меньше, хотя их суммарный вектор все же несколько перевешивает в сторону усиления традиционности.

Специфика социокультурной модернизации России в контексте «множественности модернити»

Подводя итоги социокультурным изменениям за последнюю четверть века, разделим полученные результаты на две группы. Первая группа – изменения, трактуемые вполне однозначно, в то время как вторая – данные, которые могут быть интерпретированы по-разному и влияние которых спрогнозировать сложно.

Прежде всего, можно с уверенностью утверждать, что первый этап модернизации, связанный с преодолением «идиотизма деревенской жизни», в России уже пройден. Ценности, поддерживаемые сельскими жителями, на данный момент практически не отличаются от предпочтений городского населения, так что сельский тип поселения перестал быть «заповедником» отечественной традиционности. Другое дело, что это – модернизация самого элементарного вида.

Хотя ценности и установки сельчан действительно модернизировались, аналогичных однозначно трактуемых изменений среди горожан не наблюдается. Скорее даже наоборот: те модернистские ценности, которые в 1995 г. поддерживало подавляющее большинство горожан, потеряли у них свою привлекательность к 2021 г. Таким образом, ожидания ряда российских исследователей увидеть коренные изменения в ценностях россиян со сменой поколения пока

не оправдались, причем нет никаких оснований полагать, что это может произойти в обозримом будущем. Следует ли трактовать эту ситуацию как консервативный откат назад или как определенный этап поиска российским обществом своего «самобытного» пути к модернизации – данный вопрос остается открытым.

Современные теории модернизации уже не настаивают на существовании единой траектории развития даже у западных стран, принадлежащих к одному региону. В качестве примера приводится опыт Германии и Италии, где модернизация сопровождалась усилением не демократии, как в Голландии и Великобритании, а авторитаризма и даже тоталитаризма. Аналогично обстоят дела и в других группах стран. Признание национальных особенностей модернизации приводит к осознанию ошибочности попыток механического копирования чужого опыта. Ученые начинают допускать, что более правильный путь для социокультурной модернизации – сохранение некоторых базовых особенностей национальной культуры даже в их более традиционном варианте (как это было с реставрацией императорской власти в Японии конца XIX в.) при одновременном поощрении некоторых других современных взглядов и установок. Представляется, что именно данный дискурс хорошо подходит к трактовке тех изменений, которые мы наблюдаем в нашей стране.

Развитие России в последние три-четыре века происходит в противоборстве двух тенденций – модернизации и контрмодернизации. Со времен первых Романовых российская элита осознает отсталость России от Западной Европы и сознательно стремится эту отсталость преодолеть, выборочно заимствуя не только организационные (регулярная армия, секуляризированная церковь, парламент и др.), но и социокультурные (религиозная и этническая толерантность, трудовая этика и др.) западноевропейские институты. В то же время имманентной характеристикой модернизации российского общества является стремление сохранить свою самостоятельность по отношению к Западу – цивилизационную самобытность, которая чаще всего ассоциируется с традиционными чертами национальной культуры. Такое стремление сочетать передовые западные технологии и традиционный «русский дух» в долгосрочном плане, скорее всего, является наиболее результативным³, но в среднесрочном аспекте ведет к разнонаправленности и даже заторможенности изменений ценностей и установок. В результате социокультурная модернизация в России (как, впрочем, и в других странах догоняющего развития, для которых типичны аналогичные проблемы) часто демонстрирует гетерогенность (анклавность) и неустойчивость (обратимость).

Исследователи российского социума регулярно указывали на наличие у населения страны ценностей и установок как модернистских, так и традиционных. Наше исследование подтвердило, что такого рода амбивалентность никуда не делась: наравне с рядом ценностей, которые имеют в российском обществе более современную окраску, присутствует набор таких, которые характеризуют россиян как скорее склонных к традиционализму. Интересно, что, судя по всему, какого-то острого конфликта ценностей в данный момент в российском обществе не наблюдается (о чем косвенно свидетельствует стабилизация показателя запроса на перемены). Мы предполагаем, что отмеченный еще в 2010-х гг. симбиоз ценностей только укрепился, о чем и свидетельствует факт того, что ни одна из ценностей не оказалась однозначно трактуемой современными россиянами.

Возможно, российская специфика социокультурной модернизации заключается не в стремлении к постоянному самовыражению, карьерной активности и индивидуализму, а в наличии у россиян определенной гибкости, умении подстраиваться под ситуацию, способности использовать свой человеческий потенциал в нужном месте и в нужный момент. Но и абсолютизировать особый путь национального развития тоже неверно. Сторонники «множественной модернити» отмечают, что при всей национальной специфике традиционные ценности все равно имеют тенденцию ослабевать, а возникновение определенных современных социальных институтов (партий, профсоюзов, комьюнити и др.), скорее всего, является неизбежностью.

Другая выделенная нами особенность, не поддающаяся однозначной интерпретации, связана с ролью крупных городов, в особенности двух столиц, в социокультурной модернизации

³ Опыт «новых индустриальных стран» показывает, что успеха достигают именно те страны догоняющего развития (Южная Корея, Турция, Мексика и др.), которым удается модернизироваться, сохраняя отличные от Запада особенности национальной культуры.

страны. В современной науке принято считать, что чем крупнее городские поселения, тем сильнее в них представлены группы населения с модернизированными культурными ценностями, а в авангарде модернизации находятся жители столиц-мегаполисов. Неслучайно социология города с самого начала – со времен Чикагской школы в первой половине XX в. – подчеркивает прямую органическую связь урбанизации и модернизации. Считается, что социокультурный разрыв между крупными городами, особенно столицей, и другими поселениями на начальных фазах модернизации растет, а потом, когда ценности модерна становятся общепринятыми, этот разрыв постепенно сглаживается, хотя определенные культурно-мировоззренческие различия между жителями столиц и малых поселений устойчиво сохраняются даже в наиболее развитых странах.

Наше исследование действительно продемонстрировало сглаживание социокультурных различий в разных типах поселений, но при этом практически полное отсутствие у двух российских столиц какой бы то ни было выраженной повышенной модернизационности на фоне остальных городов. Парадоксально, что в динамике наблюдается даже заметный откат в предпочтениях жителей Москвы и Санкт-Петербурга в сторону большей традиционности. Такой парадокс, возможно, связан с тем, что в Москве и Санкт-Петербурге сильнее выражены некоторые элементы, способствующие ренессансу некоторых черт традиционности: высокая занятость в госсекторе, социальная политика, активное продвижение повестки про-российских СМИ, частые государственно-общественные мероприятия, высочайшая в стране дифференциация доходов.

Нельзя исключать возможность того, что как раз эти мегаполисы демонстрируют российский вариант модернизации: ориентация на реализацию своего человеческого потенциала, чему способствуют внутренний локус контроля, инициативность и предприимчивость, ожидание равенства возможностей, но с определенными уступками в пользу сильной государственной власти, которой делегируются многие важные политические и экономические решения. Впрочем, даже если наше предположение верно, утверждать, что две столицы на данный момент являются эталоном социокультурной модернизации, преждевременно в первую очередь из-за их склонности к анархическому пониманию свободы.

Возможна и другая – более критическая в оценках жителей столиц – трактовка полученных нами данных. Можно предположить, что столичные мегаполисы оказываются на «обочине» социокультурной модернизации России, а пальму первенства у них перехватывают города с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн. Этот вариант интерпретации выглядит более прозападным и более соответствующим наиболее пока общепринятому пониманию модернизации. Надо учитывать, что жители городов в 0,5–1,0 млн в нашем исследовании составляли в сравнении с другими группами горожан самую маленькую выборку. Признанию жителей таких городов авангардом модернизации препятствует и то, что в данном типе городских поселений наблюдался самый низкий уровень гражданственности.

Наиболее взвешенным выводом будет заключение, что российская социокультурная модернизация с точки зрения ее дифференциации по поселениям на современном этапе определенно демонстрирует отклонение от «нормативных» образцов. Пока трудно судить, являются ли выявленные аномалии (симбиоз традиционности и модернизма, а также отставание жителей столиц в приверженности ряду модернизационных ценностей) одним из провалов отечественной модернизации или проявлением ее специфичности.

Литература / References

- Ахиезер А.С. (1995). Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики. *Мир России* 4(1), 3–57. [Akhiezer, A. (1995). Russia: Some problems of socio-cultural dynamics. *Universe of Russia* 4(1), 3–57 (in Russian)].
- Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е. (ред.) (2010). *Готово ли российское общество к модернизации?* М.: Весь Мир. [Gorshkov, M., Krumm, R. and Tikhonova, N. (eds.) (2010). *Is Russian Society Ready for Modernization?* Moscow: Ves Mir Publ. (in Russian)].

- Зубаревич Н.В. (2012). Социальная дифференциация регионов и городов России. *Pro et Contra* **16**(4-5), 135–152. [Zubarevich, N. (2012). Social differentiation of Russian regions and cities. *Pro et Contra* **16**(4-5), 135–152 (in Russian)].
- Инглхарт Р. (2018). *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль. [Inglehart, R. (2018). *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Moscow: Mysl Publ. (in Russian)].
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство. [Inglehart, R. and Welzel, C. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ. (in Russian)].
- Кастельс М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ-ВШЭ. [Castells, M. (2000). *The Information Age. Economy, Society and Culture*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Кирдина С.Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России*. М.; СПб.: Нестор-История. [Kirdina, S. (2014). *Institutional Matrices and the Development of Russia*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (in Russian)].
- Красильщиков В.А. (2019). Консервативная модернизация в Восточной Азии: достижения и пределы. *Идеи и идеалы* **11**(3-2), 231–263. [Krasilshchikov, V. (2019). The conservative modernization in East Asia: Achievements and limits. *Ideas and Ideals* **11**(3-2), 231–263 (in Russian)].
- Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В. (1993). Шанс на обновление России (Зарубежный опыт модернизации и российские перспективы). *Мир России* **2**(1), 103–153. [Krasilshchikov, V., Ziborov, G., and Ryabov, A. (1993). A chance for Russia's renewal (Foreign experience of modernization and Russian prospects). *Universe of Russia* **2**(1), 103–153 (in Russian)].
- Лاپин Н.И. (2009). Ценности «сохранение – открытость изменениям» и сетевые инновационные институты. *Общественные науки и современность* **5**, 37–51. [Lapin, N. (2009). The values "preservation / openness for changes" and the net work innovation institutions. *Social Sciences and Contemporary World* **5**, 37–51 (in Russian)].
- Лاپин Н.И. (2011). Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации. *Социологические исследования* **9**, 3–17. [Lapin, N. (2011). The sociocultural factors of Russian stagnation and modernization. *Sociological Studies* **9**, 3–17 (in Russian)].
- Лاپин Н.И., Беляева Л.А. (ред.) (2009). *Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте*. М.: Academia. [Lapin, N. and Belyaeva, L. (eds.) (2009). *Regions in Russia: Socio-Cultural Portraits of Regions in the All-Russian Context*. Moscow: Academia Publ. (in Russian)].
- Латов Ю.В., Латова Н.В. (2018). Ценностно-мировоззренческая специфика жителей столиц и регионов. В кн.: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.) *Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя*. М.: Весь Мир, с. 178–203. [Latov, Y. and Latova, N. (2018). Value and attitudinal specificity of residents of capitals and regions. In: Gorshkov, M. and Tikhonova, N. (eds.) *Capital Cities and Regions in Modern Russia: Myths and Reality Fifteen Years Later*. Moscow: Ves Mir Publ., pp. 178–203 (in Russian)].
- Модернизация в России и конфликт ценностей* (1993). М. [Modernization in Russia and the Conflict of Values (1993). Moscow (in Russian)].
- Паин Э.А. (2012). Вызовы культурного разнообразия. Традиционализм и модернизация в России. В кн.: *Вызовы XXI века: природа, общество, пространства. Ответ географов стран СНГ*. М.: Товарищество научных изданий КМК, с. 37–52. [Pain, E. (2012). Challenges of cultural diversity, traditionalism, and modernization of Russia. In: *Challenges of the 21st Century: Nature, Society, Space. The Response of Geographers from the CIS Countries*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnyh izdaniy KMK, pp. 37–52 (in Russian)].

- Тихонова Н.Е. (2008b). Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 2. *Общественные науки и современность* **3**, 5–20. [Tikhonova, N. (2008b). Socio-cultural modernization in Russia (Experience of empirical analysis). Article 2. *Social Sciences and Contemporary World* **3**, 5–20 (in Russian)].
- Тихонова Н.Е. (2008a). Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1. *Общественные науки и современность* **2**, 5–23. [Tikhonova, N. (2008a). Socio-cultural modernization in Russia (Experience of empirical analysis). Article 1. *Social Sciences and Contemporary World* **2**, 5–23 (in Russian)].
- Тихонова Н.Е. (2013). Динамика социокультурной модернизации в России. *Социологическая наука и социальная практика* **1**, 24–34. [Tikhonova, N. (2013). The dynamics of socio-cultural modernization in Russia. *Sociological Science and Social Practice* **1**, 24–34 (in Russian)].
- Федотова В.Г. (2016). *Модернизация и культура*. М.: Прогресс-Традиция. [Fedotova, V. (2016). *Modernization and Culture*. Moscow: Progress-Tradiciya Publ. (in Russian)].
- Ясин Е.Г. (2007). *Модернизация и общество: доклад к VIII Международной научной конференции*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. [Yasin, E. (2007). *Modernization and Society: Presentation at the VIII International Scientific Conference*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Ясин Е.Г., Снеговая М.В. (2009). *Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. [Yasin, E. and Snegovaya, M. (2009). *Tectonic Shifts in the World Economy: What Does the Culture Factor Have to Say*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Chang, Y., Chu, Y. and Tsai, F. (2005). Confucianism and democratic values in three Chinese societies. *Issues and Studies* **41**(4), 1–33.
- Harrison, L. and Yasin, E. (eds.) (2015). *Culture Matters in Russia-and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict*. Lexington Books.
- Eisenstad, S. (2000). Multiple modernities. *Daedalus* **129**(1), 1–29.
- Fourie, E. (2012). A future for the theory of multiple modernities: Insights from the new modernization theory. *Social Science Information* **51**(1), 52–69.
- Martinelli, A. (2005). *Global Modernization: Rethinking the Project of Modernity*. SAGE Publications Ltd.
- Micklin, M. (1969). Urbanization, technology, and traditional values in Guatemala: Some consequences of a changing social structure. *Social Forces* **47**(4), 438–446.
- Pakseresht, S. (2018) *The modernization of an Iranian city: the case study of Kermanshah*. Universitat Politècnica de Catalunya. <http://hdl.handle.net/10803/565425> (accessed on November 2 2022)